

С. И. Никонова

Русские военные инвалиды в Польше в 1920–1930-е годы: организация, персоналии, повседневность

Первая мировая война, Великая российская революция 1917 г., Гражданская война в России повлекли за собой неисчислимые бедствия для миллионов людей, в том числе драматический исход российских граждан за пределы Отечества. В число российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. входили военнослужащие императорской армии, ветераны Первой мировой войны, участники Белого движения, масса гражданских беженцев. Значительная часть эмигрантов, почти 10 млн чел., оказались за границей Отечества, не выезжая из своих сел и городов, в этом случае уместно говорить, что Россия сама «ушла от них» после установления новых границ и образования новых государств на землях бывшей Российской империи¹.

Польша привлекала русских эмигрантов из-за близости к российской территории, кроме того, ее можно было рассматривать в качестве транзита для перемещения в другие страны. Здесь оказались в эмиграции сотни тысяч человек: это русское (а также украинское и белорусское) население восточных областей Польши, перешедших к ней по Рижскому договору (1921 г.), ветераны Великой войны, бывшие белогвардейцы, беженцы из Советской России.

Польская земля так и не стала для русских эмигрантов родной, более того, отношение к русским эмигрантам и ко всем жителям восточных кресов в Польской Республике было далеко не братским, что можно связать

**Никонова
Светлана Игоревна**
д-р ист. наук,
проф., Казанский
государственный
архитектурно-
строительный
университет
(Казань, Россия)

с историческими традициями межгосударственного и межэтнического взаимодействия этих славянских стран.

В СССР всех покинувших страну людей объединили в одну группу — белоэмигранты, вложив в это отрицательный смысл. Белоэмигранты в глазах советских людей ассоциировались с предателями и изменниками, классовыми врагами, в их число были априори включены все, кто оказался за границей.

Материальное положение русских эмигрантов было крайне тяжелым, большинство из них не имели иностранных банковских счетов и недвижимости; безработица, голод и общая неустроенность были главным содержанием их жизни. И все же самые тяжкие испытания выпали на долю военных инвалидов, которые смогли выжить исключительно за счет общественных организаций и благотворительности.

История выживания русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше в 1920–1930-е гг., аспекты деятельности эмигрантских и благотворительных организаций, направленной на поддержку военных инвалидов, до недавнего времени оставались практически не исследованными в отечественной историографии. Анализ степени научной разработки темы позволяет выделить работы С. С. Ипполитова, А. А. Микуленок, Т. М. Симоновой, С. В. Костерина, А. В. Жукова², в которых главное место принадлежит исследованию общественно-политической и благотворительной деятельности эмигрантских организаций. В то же время социальный состав сообщества военных инвалидов-эмигрантов в Польше, персоналии наиболее ярких представителей, реалии суровой повседневности выживания в недружественном государстве остались за рамками проведенных ранее исследовательских работ.

Польская историография представлена рядом статей, в которых история русской эмиграции в Польше исследуется в большинстве случаев в культурологическом и литературоведческом аспектах, в них внимание акцентируется, как правило, на знаковых фигурах русского зарубежья: политических деятелях, представителях творческой интеллигенции, руководителях Белого движения. Польские исследователи имеют свободный доступ к польским архивам, работа с которыми для российских ученых серьезно затруднена. Следует учесть, что оценка тех или иных событий в польской историографии отличается от позиции отечественных исследователей³.

Источниковая база представлена документами Государственного архива Российской Федерации (фонды эмигрантских учреждений и организаций в Польше)⁴, Российского государственного военно-исторического архива (документы о награждениях, послужные списки, аттестации офицеров), Литовского Центрального государственного архива (переписка, отчеты, справки русских эмигрантских организаций, личные документы их руководителей).

Первой попыткой самоорганизации военных инвалидов в Польше следует считать создание Секции русских военных инвалидов-эмигрантов при Виленском русском обществе (1926–1927 гг.). Позже на этой основе был создан «Союз русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше» (далее — Союз), который играл главную роль в процессе самоорганизации и гуманитарной деятельности в среде военных инвалидов в 1920–1930-е гг.

На первом общем собрании русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше 8 июля 1928 г. был определен круг задач: «организация медицинской помощи, по возможности бесплатной; накопление средств для организации в будущем приюта для калек-инвалидов; устроить бесплатный или льготный проезд членам на очередное собрание, всяческими мерами привлекать денежные средства в Союз; снабдить членов книжками-удостоверениями; в местах скопления инвалидов открыть по возможности отделы и представительства», утвержден Устав организации⁵.

Устав определил круг лиц, которые могут быть членами Союза: «Действительными членами Союза могут быть все инвалиды войны бывшей армии и русского флота, эмигранты, находящиеся на территории Польской Республики, а также граждане Польши, русские по национальности, если гражданство они получили путем присвоения (*padania*) и отвечают всем остальным требованиям для принятия в Союз»⁶.

Главная цель деятельности организации — «поддерживать среди своих членов соблюдение военной этики и объединять их национально и морально (*narodowo i moralnie*)», что в условиях жизни в этнически и политически недружественном государстве представлялось не менее важным, чем материальная и правовая поддержка.

В Уставных документах Союза была очерчена территория, на которой осуществляется его деятельность: «Правление Союза инвалидов-эмигрантов находится в Вильнюсе, территорией деятельности Союза является Польская Республика». Правление избиралось Общим собранием на трехлетний срок тайным голосованием и несло ответственность за свою деятельность перед Общим собранием — высшим органом Союза⁷. Руководителями Союза в течение 10 лет избирались Л. Т. Матвеев (председатель), Е. А. Гроте де Буко, Н. А. Стрекалов, А. В. Бартошевич, Л. Н. Фомин (члены правления)⁸.

Учитывая состояние здоровья членов Союза, их обездоленность, крайне стесненное материальное положение, можно предположить, насколько сложно было правлению исполнять обязанности, сохранять доверие и репутацию у коллег по эмиграции. Однако руководители Союза осуществляли деятельность с честью и достоинством, поддерживали хрупкое равновесие в отношениях как внутри эмигрантского сообщества, так и с институтами власти Польской Республики.

Скупые сведения дают представление о службе, участии в военных действиях, подвигах и наградах руководителей Союза. Так, бессменный председатель правления Леонид Тимофеевич Матвеев (1884–1939), полковник, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, награжден орденами; «5 февраля 1905 г. под Мукденом ранен и контужен, 9 февраля 1915 г. ранен в руку ружейной пулей»; инвалид 3-й группы, делегат II съезда Союза русских военных инвалидов (Прага, 1930 г.)⁹.

Достойную боевую биографию имели члены правления: Евгений Александрович Гроте де Буко (1862–1944), генерал-майор, участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, инвалид 2-й группы, награжден орденами¹⁰; Николай Александрович Стрекалов (1890–?), «штаб-ротмистр, в феврале 1915 г.

был тяжело контужен, инвалид 3-й группы»; Андрей Викентьевич Бартошевич (1884–?), «подполковник, ранен во время атаки, раздроблено правое плечо, не владеет правой рукой, инвалид 2-й группы, награжден орденами»; Леонид Николаевич Фомин (1862–?), «подполковник, в феврале 1915 г. был ранен ружейными пулями в грудь и правую руку, в августе 1915 г. при атаке неприятельской позиции был контужен при разрыве неприятельского снаряда, инвалид 2-й группы»¹¹.

В документах организации отсутствовала информация о боевых наградах и отличиях в боях, только короткие сведения о ранениях и контузиях, составе семьи, наличии работы (ее отсутствии). Таким образом, прошлая жизнь, военная служба, боевые награды, звания, — все, что наполняло жизнь до эмиграции, потеряло значение. Осознание утраты своего статуса, невозможность возвращения в привычную среду обитания, лишение социальных и родственных связей, — все это можно рассматривать в качестве основных причин деморализации военных инвалидов.

Союз объединял в своих рядах в конце 1920-х гг. более ста членов, в конце 1930-х гг. — менее 80 чел.: 1928 г. — 104 чел.; 1929 — 143 чел.; 1930 — 164 чел.; 1931 — 109 чел.; 1934 — 76 чел.; 1937 — 79 чел. Алфавитная книга членов Союза 1930 г. наиболее информативна (164 фамилии): 8 генералов, 37 штабс-офицеров, 70 обер-офицеров, 37 нижних чинов, 7 сестер милосердия и 5 военных специалистов, кроме того 7 чел. числились под опекой Союза¹². Ежегодно список корректировался, так как являлся документом строгой отчетности для польских властей, от которого зависел размер денежного довольствия, поступающего в адрес организации.

География проживания военных инвалидов была разнообразна: Вильно, Ковань, Брест, Варшава, Луцк, Почаев на Волыни, Ровно, Дубно, Гродно, Львов и другие города и села Польши, территория бывших лагерей для военнопленных и интернированных Стржалково и Калиш. В Калише 26 инвалидов были объединены в секцию с правом коллективно вносить предложения Общему собранию.

Расстояние от Вильно до отдельных городов, где проживали инвалиды, весьма отдаленное: от 400 км (Варшава, Брест) до 700 км (Калиш, Стржалково, Ровно), связь Центрального правления с инвалидами за пределами Вильно — только почтовая. В общих собраниях Союза принимали участие инвалиды, проживающие в Вильно, иногородние члены голосовали письменно посредством почтовой связи. Так, в 1928 г. присутствовали на общем собрании 24 чел. и 88 голосовали заочно, в 1931 г. соответственно 21 и 88 чел., в 1934 г. — 20 и 56 чел., в 1937 г. — 22 и 57 чел.¹³

Члены Союза имели удостоверения о принадлежности к организации, что давало право на передвижение по территории Польши к месту проведения общего собрания, однако состояние здоровья и нищета не позволяли этим воспользоваться, общение ограничивалось почтовыми отправлениями.

Польское правительство в 1926 г. вынуждено было признать право русских военных инвалидов на получение пенсии. Размер ежемесячной выплаты в виде пособий для членов Союза составлял 5700 злотых, кроме того,

выделялось 300 злотых на расходы самого Союза. Так, инвалиды 1-й группы (потеря трудоспособности от 70 до 100%) получали от 45 до 90 злотых, 2-й группы — от 40 до 67 злотых 50 грошей¹⁴. В каждом годовом отчете организации отдельными пунктами обозначено распределение денег для помощи инвалидам из фонда Союза. Так, в 1937 г. «на помощь в исключительных случаях» потрачено 294 злотых, на погребение — 600 злотых, на лечение в госпитале и протезы — 597 злотых 95 грошей, поддержание приюта для инвалидов — 757 злотых 88 грошей¹⁵. Достаточно сложно определить прожиточный уровень эмигранта в Польше: при средней зарплате польского рабочего в 120 злотых инвалиды-эмигранты (и их семьи) выживали исключительно за счет мизерного пособия (в среднем 50 злотых) и благотворительных поступлений.

«Собственные средства Союза» — это членские взносы (50 грошей ежемесячно от каждого члена); благотворительные взносы, в том числе поступления после проведения Дня русского инвалида (ежегодно 9 (22) мая)¹⁶; еженедельные «тарелочные» сборы в церквях Вильно в пользу русских инвалидов. Правление Союза старалось получить дополнительные доходы за счет организации переплетной мастерской, чертежного бюро, аренды гардеробного обслуживания в эмигрантском «Русском доме» в Вильно¹⁷. К сожалению, из-за отсутствия средств так и не удалось открыть «продуктовый магазин, кооператив, столовые и пансионаты, бюро по трудоустройству», во многом из-за политики польских властей, поддерживающих в первую очередь отечественных предпринимателей¹⁸.

Деятельность Союза была строго подконтрольна польским властям, руководство организации регулярно направляло отчеты о работе, протоколы собраний, списки членов, персоналии руководителей, документы о распределении пособий, вся переписка велась исключительно на польском языке. Главное место в отчетной документации занимали финансовые отчеты. «Субсидии Министерства соцобеспечения используются исключительно на выплату пособий (ежемесячных), иная помощь оказывается из собственных средств Союза, состоящих из добровольных (2% ежемесячно от полученного пособия для поддержки вдов и сирот) и членских взносов. Члены Правления получают пенсион: председатель — 80 злотых, секретарь — 105 злотых, члены правления по 20 злотых (всего 60)»¹⁹. В своей деятельности Союз неукоснительно соблюдал требования польских властей о строгом контроле финансовых поступлений от благотворителей: «Ни одно пожертвование ни в коем случае не может быть принято без регистрации его в бухгалтерской книге и письменного подтверждения его принятия. Любая даже незначительная денежная сумма не может быть потрачена без оправдательного документа и квитанции на него»²⁰. В этой связи определенный интерес представляют такие документы, как «Кассовая тетрадь № 1 гардероба эмигрантского Русского дома. 1928–1930 гг.»²¹, «Квитанционные книжки по приходу и расходу казначая Союза русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше»²², ведомости выдачи пособий и другие материалы, иллюстрирующие крайне низкий уровень доходов инвалидов, эпизоды повседневной борьбы за выживание.

Практически неисследованным остается вопрос о назначении пенсии военным инвалидам-эмигрантам от советского государства. Так, в деле «О назначении пенсии б. ген.-майору Евгению Гроде де Буко» содержится «Послужной список», из которого следует, что он служил Отечеству 38 лет 10 месяцев и 12 дней, из которых 3 года 9 месяцев 10 дней — на гражданской службе, 3 года 4 месяца 9 дней — в условиях военных действий, имел награды, был ранен и контужен, не получал жалование за последние месяцы, «уволился со службы ввиду болезненного состояния и по возрастному цензу». Дело о назначении пенсии формировалось пять месяцев, в итоге письмом Управления по командному составу (пенсионная часть) от 1 декабря 1918 г. генералу предписано доказать документально дату увольнения со службы, так как в его документах имеются «разногласия»: «из дивизии уволился 5 марта, а в Петроградском совете выдали документы 20 июня»²³. Эти требования никак не могли быть выполнены, так как 4-я Финляндская стрелковая дивизия, в которой служил Евгений Александрович, прекратила свое существование в марте 1918 г. Можно предположить, что на этом сношения генерала с советской властью прекратились, помимо пособия от польского правительства иных источников дохода он не имел.

Отчеты о деятельности Союза и списки инвалидов регулярно отправлялись в адрес Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов (ЗСРВИ). В свою очередь, в адрес правления Союза из ЗСРВИ поступали руководящие указания, литература (книги, газета «Русский инвалид», календари) и фотографии для распространения в благотворительных целях. Так, для продажи среди жителей Вильно в августе 1929 г. из ЗСРВИ (Париж) в адрес Союза было отправлено 20 книг «Живая совесть» по цене 1 долл. В ответном письме председатель Л. Т. Матвеев сообщил, что реализовать книгу не удалось: «продали только 6, остальные ушли по 2 злотых. Больше никто не давал. Еще раз просим во избежание убытков предварительно запрашивать нас, сколько мы можем продать, и тогда никаких недоразумений не будет»²⁴. Связь с ЗСРВИ, а через него — с русской военной эмиграцией в других странах, была для Союза в большей степени опорой моральной, идеологической, нежели материальной.

Структурирование довольно пестрого сообщества русских военных инвалидов-эмигрантов в единую организацию проходило непросто. Распределение скудных пожертвований, пособий от польских властей неминуемо порождало недоразумения, обиды, подчас недоверие к руководству организации, подозрения в злоупотреблениях.

Задачи по удовлетворению самых насущных запросов сообщества решались в течение всего срока существования Союза. Особое внимание уделялось трудоустройству инвалидов, за каждого Правление несло, в частности, и материальную ответственность. Так, после нескольких недель переписки с польскими организациями удалось найти работу для Николая Рогожина-Иванова (29 лет, поручик, в 1915 г. ранен шрапнелью в голову, в 1916 г. контужен, в 1919 г. в армии адмирала Колчака контужен вторично): «Правление Союза рекомендует на должность кондуктора автобуса члена союза Н. Рогожина как

человека честного и аккуратного, причем принимает на себя ответственность за него в размере 40 злотых в месяц»²⁵.

Жизненно необходима для искалеченных воинов была медицинская помощь. Так, в 1930 г. в составе организации было девять инвалидов 1-й категории, из них трое утратили трудоспособность на 100%²⁶. Члены Союза имели возможность обращаться на льготных условиях к дантисту Здиславу Мултану, невропатологу и психиатру доктору Ольсейко, при необходимости к другим специалистам²⁷.

Союз содержал приют для старых и тяжелораненых инвалидов (г. Вильно, ул. Мицкевича, д. 22, кв. 8). По этому адресу было зарегистрировано также Центральное правление Союза русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше («прием ежедневно с 11 до 1 ч.»), здесь проходили еженедельные собрания, хранилась документация, а также проживали (были зарегистрированы) инвалиды — члены Союза²⁸.

В многочисленных обращениях в адрес Союза отразилось тяжелейшее положение, зачастую — отчаяние людей, находящихся на грани голодной смерти. Так, в прошении о пособии инвалида, рядового 7-го Ревельского полка Д. Л. Рея от 5 мая 1926 г. описано бедственное положение ветерана: «Средств к существованию никаких, работы тоже, пробивался частными уроками. Работать физически не могу... Весна, очень холодная погода, и я никуда не годен. Врачи твердят: сосна, курорт, хорошее питание и ничего не делать. А тут вопрос о куске хлеба насущном...» После «выяснения имущественного положения, а также состояния здоровья г-на Рея установлено: Д. Л. Рей не имеет никакого имущества, вследствие совершенно расстроенного здоровья не способен трудом зарабатывать на жизнь, и [ему] приходится проживать у разных родственников». Из средств, собранных в День русского инвалида в 1926 г., Д. Л. Рею выдано 30 злотых²⁹. В списках Союза Д. Л. Рей не значился; возможно, он умер, так и не получив права на ежемесячное пособие.

21 марта 1927 г. в адрес Союза поступило обращение Марии Николаевой, 80 лет: «Не откажите к празднику Святой Пасхи какого-либо пособия. Я вдова морского офицера, капитана 1 ранга, была сестрой милосердия в русско-турецкой войне в 83-м полевом госпитале». Гроте де Буко совместно с ротмистром Соколовским посетили Николаеву и удостоверились в крайне бедственном ее положении. Решением общего собрания она была зачислена в Союз»³⁰.

В составе Союза были женщины: сестры милосердия, раненные и контуженные, потерявшие более 50% трудоспособности на фронтах русско-турецкой, Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В их числе: София Михайловна Андропова, «сестра милосердия, вдова, потеря трудоспособности 65%, контужена в Русско-японскую войну»; Александра Михайловна Марсова, «сестра милосердия, в 1919 г. ранена в правую ногу ружейной пулей, контужена, утрата трудоспособности на 50%»; Тамара Александровна Рогожникова, «сестра милосердия, контужена в 1915 г., потеря трудоспособности на 75%, безработная»; Мария Ивановна Столица, «сестра милосердия, в 1915 г. ранена осколком шрапнели в левый бок, удалена левая почка», и др.³¹

Союз брал под свою опеку вдов и детей военных инвалидов, оставшихся без средств к существованию. Так, под опеку были приняты, например, Вера Николаевна Фролова, вдова полковника, так как «положительно никаких средств к жизни не имеет, служила сестрой милосердия в Русско-японскую войну»; Надежда Михайловна Шавердова, вдова штабс-капитана, «находится в безвыходном положении и нуждается в материальной поддержке», и др.³² Очевидно, что без скудной помощи Союза этим людям выжить было невозможно.

Положение военных инвалидов в течение десяти лет не изменялось, польское правительство выделяло минимальные средства для распределения через Союз, требовало строгой отчетности, точных списков членов организации, в том числе лиц без гражданства. Из письма в адрес городского старосты города Вильно от 11 августа 1937 г.: «Прилагаем именной список членов Союза с фамилиями, именами, адресами на 1 августа текущего года, все отмеченные в списке граждане не имеют гражданства, являясь эмигрантами, и живут в Польше на основе документов, выданных им властями по месту проживания». В списке — 32 чел., среди которых — председатель Союза Л. Матвеев, члены правления Е. Гроте де Буко, А. Бартошевич, Л. Фомин, А. Стрекалов³³.

Получение польского гражданства для эмигрантов было сложным делом, в большинстве случаев безнадежным. Так, Е. А. Гроте де Буко подает прошение о получении польского гражданства несколько раз (1929, 1930, 1931 гг.), в документах полицейского управления отмечено, что он рожден в г. Белостоке (Польша), не является злостным должником, не был в списке арестованных, владеет польским языком в «достаточной степени», располагает достаточными средствами содержания, проживал на территории Польши с 1918 г. Однако в предоставлении польского гражданства ему было отказано на основании закона от 20 января 1920 г.: «добивающийся польского гражданства должен иметь безупречное прошлое». В подтверждение этого пункта — ссылка на возбужденное уголовное дело по ст. 440 УК (о нарушении установленного передвижения по территории Польши), следствие по которому решением Okружного суда от 22 апреля 1926 г. было прекращено «не по причине отсутствия улик, но только потому, что этих улик было недостаточно»³⁴. Е. А. Гроте де Буко для переезда в Варшаву в августе 1938 г. необходимо было собрать документы и получить «Разрешение смены места жительства» для себя и своей жены в комиссариате города Вильно³⁵. В августе 1944 г. 82-летний генерал был убит немцами во время Варшавского восстания³⁶.

В условиях нищеты, безработицы, неприкаянности, и главное — в отсутствие перспектив на перемену участи, инвалиды-эмигранты подчас «срывались». Взаимные упреки, оскорбления, скандалы были нередким явлением в этой среде, правление Союза пыталось разрешить конфликты внутри сообщества, не привлекая внимания властей.

В документах Союза содержатся обращения с жалобами на непристойное поведение членов организации. Так, в записке в адрес правления член Союза Петр Воронин (полковник, 40 лет, ранен в 1914 г., 3-я группа инвалидности), сообщает: «Инвалид Подладчиков (капитан, 41 год, в 1915 г. ранен осколком

снаряда в правую часть головы, награжден орденами и Золотым георгиевским оружием «За храбрость») в 2 ночи, совершенно пьяный, вломился в помещение Торгово-промышленного клуба, поднял скандал, ругаясь площадной бранью. Полагаю, что подобная выходка позорит имя русского вообще, а вдвойне русского офицера, думаю, что следовало бы, наконец, положить конец безобразиям подобного рода и тем или иным способом воздействовать на него». Требования правления дать письменные объяснения своего поступка Подладчиков игнорировал и вынудил руководство Союза пойти на крайние меры: «Правление Союза постановило уведомить Вас, что оставляет за собой право в случае повторения подобного реагировать на таковые [поступки] мерами, имеющимися в распоряжении правления»³⁷.

«Полковник Бертольд (полковник, 53 года, потеря трудоспособности на 75 %) часто является в ресторан в нетрезвом виде, подходит к посетителям, начинает говорить на политические темы, ругает поляков, что вызывает протест со стороны посетителей-поляков». После инцидента Бертольд был приглашен в правление Союза и дал объяснение в письменной форме. Резолюция заседания была жесткой: «Правление делает Вам второе предупреждение и предлагает дать подписку, что Вы гарантируете честным словом свое исправление, и предупреждает, что при повторении поступка Вы будете исключены из Союза и лишены пособия». Н. Я. Подладчиков и Г. П. Бертольд остались в списках членов Союза, не имеющих гражданства в 1934 и 1937 гг.; таким образом, их членство и получение пособия остались неизменными вплоть до прекращения деятельности Союза³⁸.

Союз активно работал больше 10 лет и прекратил свою деятельность в 1938 г. в силу целого ряда причин, среди которых можно выделить преклонный возраст, ухудшение состояния здоровья и психологическую усталость руководителей, сокращение численности организации. Создавая Союз, инвалиды войн были уверены, что эмиграция — это временно, однако к концу 1930-х гг. не оставалось иллюзий по перемене участи, возможности возвращения на родину. У многих военных инвалидов в России остались родные, любое сношение с которыми представляло опасность, прежде всего для советских людей.

В практически замкнутом сообществе инвалидов-эмигрантов постепенно копилось недовольство деятельностью правления, на собраниях высказывались обвинения в финансовой нечестности и необъективности руководства. После отъезда в августе 1938 г. в Варшаву Е. А. Гроте де Буко, тяжелой болезнью и смерти в 1939 г. Л. Т. Матвеева деятельность Союза прекратилась: последний отчет был отправлен в адрес старосты города Вильно в 1938 г.

Русские военные инвалиды в Польше в 1920–1930-е гг. были самой несчастной и нуждающейся группой русского эмигрантского сообщества. Для них «Союз русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше» оставался, пожалуй, единственным центром сплочения, оплотом милосердия к обездоленным и искалеченным воинам и их семьям. Самоотверженная работа правления Союза способствовала выживанию русских инвалидов в Польше, поддержанию связи с соотечественниками на территории Польской Республики, организации

устойчивой коммуникации с польскими властями. При содействии «Союза русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше» само существование больных и увечных воинов стало возможным, а благотворительная, гуманитарная деятельность эмигрантского сообщества в какой-то мере облегчала выживание наиболее обездоленной группы соотечественников вплоть до начала Второй мировой войны.

¹ См. об этом: *Сёмочкина Е. И.* Волны российской эмиграции как историографическая проблема современного отечественного эмигрантоведения // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 77–83.

² *Ипполитов С. С.* Инвалиды двух войн: увечные русские воины в эмиграции (1917–1920-е годы) // Новый исторический вестник. 2020. № 1. С. 45–59; *Микуленок А. А.* День русского инвалида в Польше в 1920–1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 128–130; *Микуленок А. А., Микуленок Ю. А.* Деятельность Союза русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше в 1920–1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 52–58; *Симонова Т. М.* «Мы бесподанные безгосударственники»... Россияне в межвоенной Польше // Родина. 2007. № 2. С. 75–82; *Костерин С. В.* Деятельность «Комитета помощи детям русских эмигрантов в Польше» по оказанию поддержки детям беженцев // Преподаватель XXI век. 2016. № 2, ч. 2. С. 260–273; *Жуков А. В.* Деятельность эмигрантских организаций в решении социально-экономических проблем российских беженцев в Польше (1919–1939 гг.) // Власть. 2016. № 4. С. 194–198.

³ См. об этом: *Симонова Т. М., Глушковский П.* История русской эмиграции в Польше в 1919–1939 гг.: новые источники и современная историография проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 1. С. 50–73.

⁴ *Трошкина И. В.* Документы ГАРФ о деятельности русских эмигрантских общественных организаций в Польше (1920–1930-е гг.) // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 56–66.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 5 об. Перевод с польского здесь и далее — автора.

⁷ Там же. Л. 6, 9 об.

⁸ Там же. Л. 1; Литовский центральный государственный архив (далее — LCVA). Ф. 53. Ар. 23. В. 2157. Л. 97, 26, 13.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 12. Д. 27019; ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 60. Л. 31 об.

¹⁰ См. об этом: *Никонова С. И.* Генерал Е. А. Гроде де Буко (1862–1944): жизнь и судьба // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 81–86.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 60. Л. 4 об., 49 об., 60.

¹² Там же. Д. 60. Л. 1–86.

¹³ Там же. Д. 2. Л. 1; LCVA. Ф. 53. Ар. 23. В. 2157. Л. 97, 26, 13.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹⁵ LCVA. Ф. 53. Ар. 23. В. 2157. Л. 18–19.

¹⁶ См. об этом: *Микуленок А. А.* День русского инвалида в Польше в 1920–1930-е гг. С. 128–130.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 28. Л. 1; Д. 40. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Д. 2. Л. 7.

¹⁹ LCVA. Ф. 53. Ар. 23. В. 2157. Л. 18–19.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

²¹ Там же. Д. 12.

²² Там же. Д. 13.

²³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173037. Л. 12, 17, 23–23 об.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 21. Л. 82.

²⁵ Там же. Д. 21. Л. 97; Д. 60. Л. 45.

²⁶ Там же. Д. 60. Л. 75.

- ²⁷ ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 24. Л. 34; Д. 21. Л. 46–47.
- ²⁸ LCVA. F. 53. Ap. 23. B. 2157. L. 18.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. Р-6124. Оп. 1. Д. 6. Л. 82–84.
- ³⁰ Там же. Д. 1. Л. 18.
- ³¹ Там же. Ф. Р-7502. Д. 60. Л. 1 об., 32, 45.
- ³² Там же. Д. 60. Л. 60 об., 74.
- ³³ LCVA. F. 53. Ap. 23. B. 2157. L. 17–18.
- ³⁴ Там же. Ф. 51. Ap. 4. B. 325. L. 249.
- ³⁵ Там же. Ф. 64. Ap. 28. B. 30699. L. 11–13 ар.
- ³⁶ Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 2. М., 1999. С. 248.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 21. Л. 53, 54, 57.
- ³⁸ LCVA. F. 53. Ap. 23. B. 2157. L. 7, 35; ГА РФ. Ф. Р-7502. Оп. 1. Д. 60. Л. 4, 6, 41.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2021 г.
Рекомендована в печать 10 мая 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Никонова С. И. Русские военные инвалиды в Польше в 1920–1930-е гг.: организация, персоналии, повседневность // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 674–685. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.307>
УДК 94(470) «1920/1930»

Аннотация: Статья посвящена драматической истории выживания русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше в 1920–1930-е гг. Основной целью автора является освещение вопросов, связанных с материальным положением военных инвалидов, их правовым статусом и самоорганизацией, гуманитарной деятельностью «Союза русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше». В работе отражены трудности адаптации военных инвалидов в Польше, аспекты сложного отношения польских властей к русским эмигрантам, внутренние проблемы эмигрантского сообщества. В центре внимания вопросы организации постоянной помощи инвалидам и их семьям, опеки над соотечественниками, оставшимися без средств к существованию. Показаны усилия правления Союза по поддержанию не только материального обеспечения инвалидов, но и морального духа эмигрантского сообщества, противостоянию, насколько возможно в таких условиях, маргинализации военных инвалидов. Указаны основные причины трудностей морального порядка, связанные с состоянием здоровья инвалидов, осознанием бесперспективности ситуации, потерей надежды на изменение статуса, на получение польского гражданства, утратой родственных связей в России. Продемонстрированы элементы повседневной жизни русских военных инвалидов-эмигрантов, прослежена линия поведения правления Союза по отношению как к польским властям, так и к членам Союза. Выделены особенности коммуникации правления Союза с польскими властями в условиях тотального контроля деятельности организации инвалидов и проведения политики колонизации на территории восточных кресов. Показано, что «Союз русских военных инвалидов-эмигрантов» в 1920–1930-е гг. оставался единственным центром сплочения и объединения обездоленных русских людей, а его руководители честно выполнили свой долг и свои обязанности. При работе над статьей использованы материалы российских архивов (ГА РФ, РГВИА), а также впервые открытые документы Литовского центрального государственного архива (LCVA).

Ключевые слова: русская военная эмиграция, Польша, инвалиды войны, гуманитарная деятельность, благотворительность, эмигрантские организации.

Сведения об авторе: *Никонова С. И.* — д-р ист. наук, проф., Казанский государственный архитектурно-строительный университет (Казань, Россия); svetkgasu@rambler.ru

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, 420021, Казань, ул. Зеленая, 1

FOR CITATION

Nikonova S. I. 'Russian Disabled Veterans in Poland in the 1920s – 1930s: Community, Personalities and Daily Life', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021, pp. 674–685. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.307> (In Russian)

Abstract: The article examines the dramatic history of the survival of Russian disabled veteran emigrants in Poland in the 1920s–1930s. The main aim is to highlight issues of the financial situation of disabled veterans, their legal status and self-organization, and the humanitarian activity of the Union of Russian Disabled Veteran Emigrants in Poland. The paper reflects the adjustment difficulties of disabled veterans in Poland, aspects of the mixed attitude of the Polish authorities to Russian emigrants, and the internal problems of the emigrant community. Continuous support and assistance to disabled people and their families, and care for disadvantaged fellow countrymen are the focus. The article shows the efforts of the Board of the Union of Russian Disabled Veteran Emigrants in Poland, not only to support disabled people financially, but also to encourage the emigrant community's morale and to oppose the marginalization of disabled veterans. The paper states the fundamental reasons for moral problems associated with the physical well-being of disabled people, the lack of prospect awareness, the loss of hope for a status change and receiving Polish citizenship, and the loss of connections with Russia. The article presents features of everyday life of the Russian disabled veteran emigrants; it observes the policy of the Union's Board in relation both to Polish authorities and to members of the Union. In the 1920s and 1930s the Union of Russian Disabled Veteran Emigrants remained the only uniting center for disadvantaged Russian people, and its leaders honestly fulfilled their duties. The author used materials from the documents of the Russian archives (State Archive of the Russian Federation, Russian State War and Historical Archive), and newly available documents of the Lithuanian Central State Archive (LCVA).

Keywords: Russian military emigration, Poland, disabled veteran, humanitarian activity, charity, emigrant community.

Author: *Nikonova S. I.* — Dr. Sci. in History, Professor, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering (Kazan, Russia); svetkagasu@rambler.ru

Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, 1, Zelenaya ul., Kazan, 420021, Russia

References:

- Ippolitov S. S. 'The Invalids of Two Wars: Disabled Russian Veterans in Emigration (1917–1920s)', *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1, 2020. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2020-00005> (In Russian)
- Kosterin S. V. 'The activity of "The Committee of the aid for children of russian emigrants in Poland" to assist the refugee children', *Prepodavatel XXI vek*, no. 2, vol. 2, 2016. (In Russian)
- Mikulenok A. A. 'Disabled Russian Veterans Day in Poland, 1920–1930s', *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, no. 1, 2018. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.1.26> (In Russian)
- Mikulenok A. A., Mikulenok, J. A. 'The russian disabled war expatriates union in Poland in the 1920–1930s', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. *Istoriya*, no. 63, 2020. <https://doi.org/10.17223/19988613/63/7> (In Russian)
- Nikonova S. I. 'General E. A. Grotte de Buko (1862–1944): Life and Destiny', *Sovremennaya nauchnaya mysl*, no. 6, 2019. (In Russian)
- Semochkina E. I. 'Russian emigration waves as a historiography problem in modern native investigations of emigration', *Vestnik Omskogo universiteta*, Ser. *Istoricheskiye nauki*, no. 1, 2014. (In Russian)
- Simonova T. M. "'My bespoddannyye bez gosudarstvenniki": Russians in interwar Poland', *Rodina*, no. 2, 2007. (In Russian)
- Simonova T. M., Gluszkowski P. 'History of Russian emigrants in Poland in 1919–1939: new sources and modern historiography', *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, Ser. *Istoriya Rossii*, no. 1, 2018. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-1-50-73> (In Russian)
- Troshkina I. V. 'GARF documents on the activities of Russian emigrants public organizations in Poland (1920s — 1930s)', *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, 2006. (In Russian)
- Zhukov A. V. 'Activities of the emigrant organizations in solving social and economical problems of Russian refugees in Poland (1919–1939)', *Vlast*, no. 4, 2016. (In Russian)

Received: February 1, 2021

Accepted: May 10, 2021